

УДК 343

В.В. Хатуяева*Центральный филиал**Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения**«Российский государственный университет правосудия»**(г. Воронеж)***Е.А. Куликов***Центральный филиал**Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения**«Российский государственный университет правосудия»**(г. Воронеж)*

ФОРМА ВИНЫ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

В статье анализируется категория «вина» как признак субъективной стороны составов преступлений против интересов правосудия. С использованием сравнительно-правового метода исследуется доктринальный подход к установлению пределов уголовной ответственности судей за вынесение неправоудного судебного решения с учетом современного состояния борьбы с коррупцией в России. Кроме того, авторы предпринимают попытку переосмысления положений уголовного закона об ответственности за разглашение данных предварительного расследования в контексте корректировки легального подхода к детерминации неосторожной формы вины.

Ключевые слова: правосудие, преступления, судебное решение, вина, предварительное расследование, разглашение, уголовная ответственность, состав преступления, уголовный закон.

The article analyzes the category of «guilt» as a sign of the subjective side of crimes against the interests of justice. Using the comparative legal method, the authors investigate the doctrinal approach to establishing the limits of criminal liability of judges for making an unjust court decision, taking into account the current state of the fight against corruption in Russia. In addition, the authors attempt to rethink the provisions of the criminal law on liability for disclosure of preliminary investigation data in the context of adjusting the legal approach to the determination of negligent form of guilt.

Keywords: justice, crimes, judgment, guilt, preliminary investigation, disclosure, criminal liability, crime, criminal law.

Форма вины традиционно рассматривается как один из критериев дифференциации уголовной ответственности, который позволяет установить наказуемость преступного деяния и влияет на категоризацию преступлений. Нельзя не отметить, что преступления, объединенные по видовому объекту посягательства, а именно интересы правосудия, в гл. 31 УК РФ, по мнению подавляющего большинства специалистов в области уголовного права, обладают специфическим системообра-

зующим признаком – прямым умыслом [1, с. 302], который в действующем законодательстве определяется как осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступления преступных последствий и желание их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ). Об умышленном характере подавляющего большинства преступных посягательств на интересы судопроизводства и деятельность по исполнению судебных актов

свидетельствует использование законодателем при конструировании соответствующих составов преступления терминов «воспрепятствование», «заведомо», «оскорбление», «провокация», «принуждение» и т.д.

В диссертационных и монографических работах, а также комментариях уголовного закона постсоветского периода и последних лет появляются рассуждения о сомнительности тезиса об умышленном характере всех без исключения преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, с учетом изменения легального подхода к определению неосторожной формы вины [2, с. 60–62; 3, с. 778], которая в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ должна быть прямо указана в соответствующей статье Особенной части УК РФ только, если тот или иной состав преступления не предполагает умысла. В этом смысле достаточно иллюстративно высказывание Л.В. Лобановой о возможности привлечения к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ), совершенное по неосторожности [2, с. 62]. Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, поскольку анализ положений упомянутой нормы уголовного закона позволяет констатировать, что он относится к числу формальных, равно как и большинство неклассифицированных составов преступлений, регламентированных гл. 31 УК РФ. В доктрине уголовного права наличие формальных составов преступлений связывается с тем, что характер преступных последствий тех или иных посягательств таков, что они трудно поддаются учету, либо они неразрывно связаны с совершенным действием «естественным ходом вещей» [4, с. 35], в силу чего не предполагают специального доказывания, либо уголовно наказуемой является сама возможность причинения вреда. В силу зна-

чимости интересов правосудия как части общего родового объекта – общественных отношений, складывающихся в сфере реализации государственной власти, позволим себе предположить, что именно в силу последней из названных выше причин, например вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия (ст. 294 УК РФ), посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя, а также иных лиц, участвующих в судопроизводстве (ст. 295 УК РФ), клевета, неуважение к суду (ст. 297, 298.1 УК РФ), посягательства на установленный законом порядок реализации уголовного преследования (например, ст. 299–303 УК РФ) и др. отнесены законодателем к числу формальных. Справедливо и иное предположение о том, что если существующая легальная презумпция общественной опасности того или иного посягательства на интересы судопроизводства будет слишком часто опровергаться правоприменительной практикой, то это гипотетически может поставить под сомнение не только правильность выбора законодателем конструкции состава преступления, но и обоснованность криминализации такого рода деяний [5, с. 44–45].

Независимо от причин конструирования того или иного состава преступления как формального, его детерминирующей особенностью является форма вины. Как в дореволюционной и советской, так и в современной науке уголовного права аксиоматичным является тезис о том, что формальные преступления всегда относятся к числу умышленных [6], где правоприменитель ориентирован на то, что описанные нормой деяния признаются юридически оконченными вне зависимости от констатации факта наступления вредного результата [7, с. 156], выявление

которого является процессуально бесперспективным, но неразрывно связано с совершением самого деяния [8, с. 156]. Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что дискуссии относительно возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, по неосторожности противоречат общепризнанному учению о вине. Неосторожное разглашение данных предварительного расследования, например в служебной беседе, ставшей достоянием посторонних, путем размышления вслух при анализе следственно важной информации и т.п., не является преступным, в силу невысокой общественной опасности содеянного.

Исторически сложившимся является неоднозначный подход к наличию умысла при принятии неправосудного судебного решения (ст. 305 УК РФ). Суть вопроса, на наш взгляд, сводится к возможности привлечения судьи к уголовной ответственности за совершение судебной ошибки, что исключает «заведомость» в его поведении при принятии итогового решения по существу правового спора. Уже в 1884 г. появились первые попытки обосновать необходимость привлечения судьи к ответственности за принятие ошибочных решений (ст. 398 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) тем, что исключительность компетенции и широкий спектр полномочий суда, реализуемых им сообразно своему внутреннему убеждению, предполагают наличие у него обязанности «отвечать за всякий неосмотрительный ход, за всякое незаконное усмотрение» [9, с. 290]. При этом возможность подачи судьей особого мнения при коллегиальном рассмотрении дела позиционировалась в числе прочего как «ограждение судьи от нравственной и юридической ответственности за невольное участие в постановлении заведомо

для него неправильной резолюции, которую он все-таки обязан подписать» [10, с. 11]. Нельзя не отметить, что ст. 177 УК РСФСР 1960 г., явившаяся основой для конструирования законодателем ст. 305 УК РФ в ее действующей редакции, практически не применялась, поскольку достаточно сложно было доказать наличие в действиях судьи умысла при вынесении незаконного и необоснованного судебного решения, в связи с чем вносились предложения об изменении уголовного закона в части регламентации ответственности судей не только за умысел, но и за грубую небрежность, последствием которой стало осуждение невиновного лица [11, с. 137]. Проблема предупреждения судебных ошибок уголовно-правовыми средствами не снята и сегодня, даже несмотря на тот факт, что состав преступления, предусмотренный ст. 305 УК РФ, относится к числу коррупционных и, следовательно, должен применяться в рамках общей политики государства в части борьбы с этим социально-правовым явлением. Приводимые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ статистические данные позволяют констатировать, что случаев осуждения по рассматриваемой категории дел практически нет: за 2018 г. по ст. 305 УК РФ было осуждено 2 человека, состоящие в должности судьи [12], при этом, по данным Генеральной Прокуратуры РФ, в суд было направлено 12 447 уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности [13]. Полагаем, что приведенные статистические данные могут свидетельствовать не о реальной ситуации в судебной системе, а о высокой латентности данного вида преступности, а также о том, что не всякая судебная ошибка является следствием коррупционного поведения (например, злоупотребление долж-

ностными полномочиями, но без преследования личной выгоды; недобросовестное исполнение служебных обязанностей; нарушение разумных сроков рассмотрения дела; незнание или неправильное применение закона без цели извлечения личной выгоды [14, с. 31]). Тем не менее даже неумышленные действия создают благоприятную почву для развития коррупции в судебной системе, поскольку снижение качества соответствующей деятельности с неизбежностью влечет за собой увеличение числа судебных ошибок, за которые в настоящее время привлечь судью к ответственности невозможно. В этой связи представляется необходимым дополнительное научное обсуждение возможности привлечения судьи к ответственности за совершение судебной ошибки вследствие грубой небрежности.

Список использованных источников

- 1 Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2005. 416 с.
- 2 Лобанова Л. В. Преступления против правосудия : теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л. В. Лобанова. Волгоград, 1999. 268 с.
- 3 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. (постатейный) / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М. : Норма, 2014. 868 с.
- 4 Михлин А. С. Последствия преступления / А. С. Михлин. М. : Юрид. лит., 1969. 103 с.
- 5 Друзин А. И. Воспрепятствование исполнению судебного акта / А. И. Друзин. Ульяновск : Дом печати, 2001. 181 с.
- 6 Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая / Н. С. Таганцев. СПб., 1887. Вып. 1; <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (дата обращения 09.09.2019 г.).
- 7 Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
- 8 Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления : монография / З. Б. Соктоев. М. : Норма, 2015. 256 с.
- 9 Бардзкий А. Э. Об ответственности должностных лиц судебного ведомства за преступления и проступки по службе : исслед. вопроса о значении умысла в преступлениях и проступках, предусмотренных статьями 5-го разд. Уложения о наказаниях угол. и испр. изд. 1866 г. : с прил. проекта постановлений, коими мог бы быть заменен этот раздел / А. Э. Бардзкий // Соч. присяжного поверенного окр. Моск. суд. палаты Афанасия Бардзкого. Тула : тип. Н.И. Соколова, 1884. 452 с.; <https://search.rsl.ru/ru/record/01003597337> (дата обращения 09.09.2019 г.).
- 10 Волжин В. Особые мнения при постановлении приговоров и независимость судей / В. Волжин // Журнал гражданского и уголовного права. Октябрь. Издание СПб. юрид. общества. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1884. С. 10–28; <https://www.prlib.ru/item/332890> (дата обращения 09.09.2019 г.).
- 11 Петрухин И. Л. Правосудие : время реформ / И. Л. Петрухин. М. : Наука, 1991. 208 с.
- 12 Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2018 г. // URL:<https://docviewer.yandex.ru/view/25860355/> (дата обращения 07.09.2019 г.).
- 13 Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за январь – декабрь 2018 г. // https://genproc.gov.ru/upload/iblock/6f3/0112_2018.xls (дата обращения 07.09.2019 г.).
- 14 Рахманова Е. Н. Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции / Е. Н. Рахманова // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 29–34.